

Выйдя из офиса, я сломя голову помчалась домой. И тут при виде упакованных коробок с вещами у меня защемило сердце.

Все пошло к чертям. В один миг сорвалась поездка в Германию и пошла под откос моя жизнь. Бросаю пару вещей в рюкзак и исчезаю до того, как здесь появится Эрик. Телефон разрывается. Это он, но я не собираюсь отвечать. Нет ни малейшего желания разговаривать с Эриком.

Собравшись, вылетаю из дома и тороплюсь в кафе: я по телефону договорилась с сестрой, что мы встретимся там. Мне нужно с ней поговорить. Я взяла с нее слово, что она никому не расскажет о месте нашей встречи.

Сестра приезжает, мы нежно обнимаемся. Немного остыв от встречи, она выслушивает меня. Я рассказываю ей только часть истории — ту, от которой она не потеряет дар речи. Опускаю все, что так или иначе касается секса, но Ракель есть Ракель! И когда концы с концами не сходятся, она начинает стонать и приговаривать: «Ты сошла с ума!», «У тебя мозгов не хватает!», «Эрик — отличная партия!» или «Как ты могла это сделать?» В конце концов я собираюсь с силами и прощаюсь с ней, но, несмотря на ее напор, не признаюсь, куда еду. Я ее хорошо знаю: она все разболтает Эрику, как только он ей позвонит. Когда же мне удастся отделаться от сестры, набираю номер отца. Всего несколькими словами я даю ему понять, что все объясню, когда через пару дней приеду к нему в Херес. Потом сажусь в машину и еду в Валенсию. Там останавливаюсь в хостеле и целых три дня только и делаю, что гуляю по пляжу, сплю и плачу. Ничего лучшего в голову мне не пришло. На звонки Эрика не отвечаю. Не хочу...

На четвертый день, чувствуя себя немного легче, я отправляюсь в Херес. Как всегда, папа меня встречает с распростертыми объятиями. Каждое его слово полно ласки и любви. Я сообщаю,

что мои отношения с Эриком окончены, но он не может в это поверить. Эрик несколько раз ему звонил, переживая, где я и что я, и, по словам отца, этот мужчина слишком меня любит, чтобы просто так отпустить. Отец — неисправимый романтик. Бедняга.

На следующий день, когда я проснулась, Эрик уже в доме моего отца.

Папа позвонил ему.

Увидев меня, Эрик пытается поговорить со мной, но я отказываюсь! Я превращаюсь в настоящую фурию: шиплю, кричу, высказываю ему все, что накопело, а затем перед носом захлопываю дверь. Я остаюсь одна в своей комнате. Проходит какое-то время, и я слышу, что отец просит его уйти. Теперь можно вздохнуть спокойно. К счастью, папа понимает, что я сейчас не в силах трезво мыслить и, вместо того чтобы как-то разрешить ситуацию, только все усложню.

У двери моей комнаты Эрик сообщает, что уходит, — в его голосе смешиваются тревога и гнев. Вернее, он не просто уходит — он уезжает в Германию, где ему нужно решить кое-какие дела. Он еще раз, очень настойчиво, просит меня выйти, но, поняв, что я своего решения не изменю, наконец оставляет меня в покое.

Прошло два дня, но тоска никуда не девается. Я никак не могу забыть Эрика. К тому же он постоянно звонит, несмотря на то что я не отвечаю. Но будучи мазохисткой в самом чистом ее проявлении, я снова и снова слушаю наши песни. Наверное, для того, чтобы терзать себя и наслаждаться собственной болью, погибая в океане потерь и печали. Единственное положительное во всем этом — то, что я точно знаю: он сейчас далеко. К тому же у меня есть мотоцикл, на котором я могу всласть погонять по улицам Хереса, выпуская наружу накопившиеся эмоции.

Через несколько дней звонит Мигель, мой бывший сотрудник в компании «Мюллер», и делится ошарашившей меня новостью: Эрик уволил мою бывшую начальницу. Не веря своим ушам, я слушаю Мигеля. Он рассказывает, что Эрик устроил жуткий скандал — он отлично запомнил, как она из-

девалась надо мной в кафетерии, а он появился для этой суки так некстати. Результат — увольнение. Поделом!

Возможно, вы скажете, что я не должна бы этому радоваться. Но то зло, которое затаилось у меня внутри, радуется, что эта гадюка наконец получила по заслугам. Как говорит мой мудрый отец, «время ставит каждого на свое место». Вот и эту дрянь время поставило туда, куда она заслуживает, — выставило на чертову улицу.

В этот же вечер приезжает сестра с Хесусом и Лус и сообщает нам замечательную новость: они ждут второго ребенка. И уже заметен животик! Мы с отцом заговорщицки перемигиваемся и улыбаемся. Сестра счастлива, зять тоже, а Лус вне себя от радости: у нее будет братик или сестричка!

На следующий день в доме появляется Фернандо. Встретившись, мы долго и тепло обнимаемся. Впервые со времени нашего знакомства мы не общались несколько месяцев, и теперь оба ощущаем, что то, что когда-то существовало между нами, уже закончилось.

Он не спрашивает меня об Эрике. Он ни на что не намекает, но я чувствую, что он догадывается, что между нами все кончено или, во всяком случае, что-то произошло. Вечером, когда мы с сестрой и Фернандо заходим перекусить в ресторан Пачуки, я спрашиваю:

— Фернандо, если бы я попросила тебя об одной услуге, ты бы ее сделал?

— Это зависит от услуги.

Мы смеемся. И тогда я, решительно настроенная добиться своей цели, объясняю:

— Мне нужны адреса двух женщин.

— Что за женщины?

Делаю глоток кока-колы и отвечаю:

— Одну зовут Мариса де ла Роса, и она живет в Уэльве. Она замужем за типом по имени Марио Родригес, пластическим хирургом. Больше я о ней ничего не знаю. А другую зовут Ребекка, она на протяжении двух лет была невестой Эрика Циммермана.

— Джудит, — протестует сестра, — не выдумывай!

— Помолчи, Ракель.

Но когда сестра открывает рот, ее уже не унять. Повздорив с ней, я снова поворачиваюсь к Фернандо, который до сих пор не проронил ни слова.

— Ты можешь мне раздобыть то, о чем я попросила?

— Зачем это тебе? — интересуется он в свою очередь.

Естественно, я не собираюсь рассказывать, что со мной произошло.

— Фернандо, ничего плохого я не сделаю, — пытаюсь я оправдаться. — Но если ты сможешь мне помочь, я тебя отблагодарю.

Несколько секунд он торжествующе на меня смотрит, а Рабель все так же продолжает болтать. В конце концов он соглашается, встает из-за стола, отходит и звонит по мобильному. Я немного волнуюсь. Через десять минут он протягивает мне листок бумаги.

— О Ребекке я могу только сказать, что она в Германии и у нее нет постоянного места жительства, а вот адрес второй женщины. Определенно, твои подруги из высшего общества и играют в те же игры, что и Эрик Циммерман.

— О каких играх ты говоришь? — спрашивает Рабель.

Мы с Фернандо переглядываемся. Если он еще хоть слово скажет, я врежу ему по зубам! Но мы отлично друг друга понимаем. Я даю ему понять, чтобы он не вздумал отвечать сестре, иначе будет иметь дело со мной, и он слушается. Отличный друг. В итоге Фернандо успокаивается и говорит:

— Но только никаких глупостей с этими дамочками. Догово-
ворились, Джудит?

Сестра отрицательно качает головой и сердито сопит. А я выхватываю листок и целую его в щечку:

— Спасибо. Огромное спасибо.

Оставшись поздно вечером одна в комнате, чувствую, что меня просто переполняет злость. От мысли, что я завтра встречу с Марисой — если, конечно, мне повезет, — начинает быстрее колотиться сердце. Эта злая ведьма узнает, с кем связалась.

Утром я просыпаюсь в семь часов. На улице дождь. Сестра тоже проснулась и, заметив, что я собираюсь уезжать, пристает ко мне как банный лист. Избавиться от нее и ее бесконечных вопросов можно только одним путем — сбежать.

— Я еду в Уэльву заглянуть к Марисе де ла Роса.

Но Ракель есть Ракель! Поняв, что от нее так просто не отделаться, я разрешаю ей поехать со мной. Однако она всю дорогу тараторит, и я уже раскаиваюсь в принятом решении — у меня возникает свирепое желание выбросить ее в придорожную канаву. Она такая болтливая и надоедливая, что может вывести из себя кого угодно.

Ей неизвестно, что на самом деле произошло между мной и Эриком, и она без устали выдвигает предположения. Если бы она узнала правду, у нее бы челюсть отвисла. Сестра, конечно, не поняла бы наши с Эриком игры — так уж она смотрит на мир. Наверняка она подумала бы, что мы самые настоящие развратники.

Когда мы с ней встретились, после того как все случилось, я описала ситуацию без лишних подробностей. Я просто сказала, что эти женщины посеяли вражду между мной и Эриком, поэтому мы поссорились и позже расстались. Больше я ничего говорить не хотела.

Мы почти добрались до Уэльвы, и я с некоторым удивлением для себя осознаю, что совсем не нервничаю. Чего не скажешь о моей сестренке.

Найдя адрес, который мне записал Фернандо, паркую машину. Осматриваю район и вижу, что Мариса живет хорошо, даже очень хорошо — это роскошный район.

— Я до сих пор не понимаю, что мы здесь делаем, дорогущая, — шепотом бормочет сестра, выходя из машины.

— Ракель, останься здесь.

Но, пропуская мимо ушей мое требование, она решительно захлопывает дверь:

— Даже не мечтай, милая моя. Куда ты, туда и я.

Я вздыхаю:

— Да ладно тебе, мне вовсе не нужен телохранитель.

Она становится рядом со мной:

— Нет, нужен. Я тебе не доверяю. Ты ругаешься и иногда бываешь слишком грубой.

— Черт возьми!

— Вот видишь? Ты сказала «черт!», — не унимается она.

Не удостоив ее ответом, направляюсь к красивому подъезду. Звоню в домофон и, когда отвечает женский голос, говорю без колебаний:

— Почта.

Открывается дверь, сестра смотрит на меня, вытаращив глаза:

— Ох, Джудит! Мне кажется, что ты сейчас сделаешь глупость. Только спокойно, дорогая, спокойно, я тебя знаю, договорились?

Я смеюсь и говорю шепотом, пока мы ждем лифт:

— Глупость совершила она, когда меня недооценила.

— Джу-удит!..

— Так, слушай. — Я стараюсь говорить спокойно. — С этого момента я хочу, чтобы ты молчала как рыба. Это касается только меня и этой женщины, понятно?

Приезжает лифт, мы входим, и я жму на кнопку пятого этажа. Поднявшись на нужный этаж, нахожу квартиру «D» и звоню. Мгновение спустя дверь открывает незнакомка в форме служанки.

— Что вам угодно? — спрашивает девушка.

— Добрый день! — отвечаю я со своей самой обворожительной улыбкой. — Я хотела бы побеседовать с сеньорой Марисой де ла Роса. Она дома?

— Кто спрашивает?

— Скажите, что это Ванесса Архона из Кадиса.

Девушка исчезает.

— Ванесса Архона? — шепчет сестра. — Что еще за Ванесса?

Одним взглядом я заставляю ее замолчать.

Через пару секунд перед нами появляется Мариса — вся такая хорошенькая, в белом костюмчике. Увидев меня, она сразу меняется в лице. Ого, да она испугана. Перед тем как она что-нибудь сделает или скажет, я с силой хватаюсь за дверь, чтобы она ее не закрыла, а потом почти кричу:

— Ну здравствуй, потаскуха!

— Дорога-а-ая! — недовольно вскрикивает сестра.

Марису трусит. Я бросаю взгляд на сестру, чтобы та замолчала.

— Я просто хочу, чтобы ты знала о том, что теперь мне известно, где ты живешь, — шиплю я. — Запомнила?

Мариса побледнела, но я продолжаю:

— Меня вывела из себя твоя грязная игра... Поверь, если я захочу, то могу стать куда хуже и коварней, чем ты и твои подружки.

— Я... я не знала, что...

— Закрой пасть, Мариса! — цежу я сквозь зубы. Она умолкает, и я продолжаю: — Мне наплевать на то, что ты говоришь. Ты, ведьма, использовала меня для своих пагубных делишек. А своей подружке Бетте, с которой ты, без сомнения, продолжаешь общаться, скажи, что, когда я с ней встречусь, она узнает, с кем имеет дело.

Мариса дрожит и смотрит вглубь квартиры. Я понимаю — она боится того, что я могу сказать.

— Пожалуйста, — умоляет она, — здесь родители мужа и...

— Родители твоего мужа? — перебиваю ее и аплодирую. — Гениально! Познакомь меня с ними. Я с удовольствием расскажу им кое-что об их ангельской невестке.

Мариса в растерянности отрицательно качает головой: она в шоке. Мне жаль ее. Пусть она и гадина, но я-то не такая. Поэтому я решаю, что пора заканчивать свой визит.

— Если ты еще раз попытаешься меня оклеветать, твоя прекрасная и спокойная жизнь с родителями и знаменитым муженьком закончится, — продолжаю я на полтона тише. — Поверь, я сама об этом позабочусь, ясно? — Бледная как мел она кивает.

Мариса не ожидала меня здесь увидеть, а тем более в таком расположении духа. Когда я высказала все, что хотела, и уже собралась уходить, слышу голос собственной сестры:

— Это и есть та дурнушка, которую ты искала?

Я утвердительно киваю и, к своему удивлению, слышу, как Ракель произносит:

— Если еще раз приблизишься к моей сестре и ее жениху, клянусь памятью своей матери, которая смотрит на нас с небес, я сама сюда вернусь с разделочным ножом отца и вырежу твои глаза, потаскуха!

После слов моей дорогой сестренки Мариса захлопывает перед нами дверь. Немного шокированная, я смотрю на Ракель и по дороге к лифту весело замечаю:

— Мне казалось, самая грубая и сквернословящая в нашей семье — это я. — И, увидев, что она улыбается, добавляю: — Разве я тебя не просила молчать?

— Послушай, дорогуша, когда вмешиваются в мою семью или причиняют ей боль, то во мне просыпается зверь. Как говорит Эстебан¹, «убью!».

Мы садимся в машину в приподнятом настроении и возвращаемся в Херес.

Дома отец и зять расспрашивают нас о поездке. Мы с сестрой переглядываемся и хохочем, но ничего не рассказываем. Это путешествие стало только нашим — моим и Ракель.

2

Семнадцатое декабря. Скоро Рождество, и в Херес съезжаются мои старые друзья. Если двадцать первого декабря будет конец света, мы, по крайней мере, в последний раз увидимся.

Как и каждый год, мы встречаемся на грандиозной вечеринке, которую организывает Фернандо в загородном доме своего отца. Здесь мы отлично отрываемся. Смех, танцы, приколы, ну и целая толпа гостей, конечно. Весь вечер Фернандо не делает никаких намеков, и я ему за это благодарна. Мне не того.

Праздник идет своим ходом. Фернандо садится рядом со мной, и мы начинаем откровенничать. Из его слов я понимаю, что ему многое известно о моих отношениях с Эриком.

— Фернандо, я...

---

¹ Белен Эстебан — испанская телеведущая, которая в одной из программ сказала: «Я за свою дочь убью!» (Здесь и далее примеч. пер., если не указано иное.)